

Святослав Логинов

Лес господина Графа

*Часть сборника
Фэнтези – 2007*

Святослав Логинов

Лес господина Графа

«Автор»

2006

Логинов С. В.

Лес господина Графа / С. В. Логинов — «Автор», 2006

«Ван Гариц долго всматривался в недобро синеющую даль, и воины за его спиной молча ждали. Лес уходил к горизонту, тёмно-однообразный словно шкура спящего зверя. На ближних холмах можно было рассмотреть вершины отдельных, особенно больших елей, а вдалеке лес сливался в сплошную грозовую тучу, беспросветную даже в этот солнечный день. Дымный волок, поднимавшийся у самой грани земли, казался обрывком этой тучи...»

© Логинов С. В., 2006

© Автор, 2006

Святослав Логинов

Лес господина Графа

Ван Гариц долго всматривался в недобро синеющую даль, и воины за его спиной молча ждали. Лес уходил к горизонту, тёмно-однообразный словно шкура спящего зверя. На ближних холмах можно было рассмотреть вершины отдельных, особенно больших елей, а вдалеке лес сливался в сплошную грозовую тучу, беспросветную даже в этот солнечный день. Дымный волок, поднимавшийся у самой грани земли, казался обрывком этой тучи.

– Это и есть Огнёво? – спросил ван Гариц, указав рукоятью плети на дым.

Ван Мурьен тронул лошадь, приблизился, встав рядом с Гарицем, долго смотрел из-под руки на дымные ключья.

– Нет, ваша светлость, – наконец сказал он. – Огнёво должно быть правее и гораздо дальше. Его отсюда не увидеть. А это, не иначе, лагерь углежогов. Они всегда углища возле болот устраивают, где торфа много.

– Вы хотите сказать, дядюшка, – ледяным тоном произнёс ван Гариц, – что там кто-то жжёт мой лес?

– Именно это я и сказал, – безо всякого выражения подтвердил ван Мурьен. – Огнёвские углежогги поставляют уголь во все кузницы королевства. Вашим мастерам в том числе.

– Похва-ально... – протянул ван Гариц. – Когда мастеровые работают, это очень похвально. А вот когда они жгут мой лес и не платят при этом налогов... это уже нехорошо. И после этого вы, дядюшка, отговаривали меня от поездки сюда?

Ван Мурьен пожал плечами.

– Я и сейчас не изменил своей точки зрения. Огнёвские мужики никогда не платили налогов. Взять своё можно только силой, а после этого несколько лет кузницы будут простаивать. К тому же, путешествовать через Огнёвские чащи опасно. Это не охотничьи боры, оттуда можно и не вернуться, такие случаи бывали.

– Вы меня пугаете, дядюшка?

– Я предостерегаю.

– Что ж, спасибо на добром слове. Мы будем идти через лес очень осторожно.

Гариц коснулся шпорами конских боков и начал спускаться с холма. Отряд в молчании следовал сзади. Султаны над лесом стояли словно тревожные сигнальные дымы.

Лес встретил путешественников угрюмо. Мрачные ельники перемежались зарослями чёрной ольхи, гнилыми буреломами, кочкарниками, поросшими дурманном болиголовом, старыми гарями, где не успеешь оглянуться, как конь ломает ногу. Двигались медленно и, как обещал ван Гариц, очень осторожно. На ночёвки останавливались рано, тщательно обустривая лагерь и выставляя караулы, словно отряд шёл по вражеским землям. Так, впрочем, и было, только врагами оказались не люди, которых и следа в лесу не слышать было, а сам лес, мрачный и недоброжелательный. Старые ели басовито гудели даже при полном безветрии, казалось, лесные великаны поют отходную наглецам, осмелившимся разрушить извечное безлюдье. Лес пугал медвежьим следом, едкой вонью кабаньего стада, визгом рыси и ночным уханьем совы. Вечером небо над редкими полянами расчерчивали летучие мыши, о которых рассказывали, что они могут залезть в ухо коню и за ночь выгрызть мозг. Солдаты ругались вполголоса и мазали конские уши еловой смолой.

Однажды на осклизлой глине тропы, ведущей к водопойному ручью, путники обнаружили след по всему схожий с медвежьим, но размерами впятеро больший. Судя по лапе, зверь должен был равняться с вершинами деревьев и проламывать при ходьбе просеку. Однако ничего подобного не было, только цепочка следов, размашистых, шире лосиного шага. Среди солдат пошли разговоры об урсохе – баснословном звере, оставляющем великанские следы,

хотя сам он не больше росوماхи. Встречи с урсохом не пережил ещё ни один охотник, так что никто не мог сказать, откуда взялось подробное описание хищника и его повадок.

Вместе с тем, въявь отряд не видал покуда ни единой живой твари, если не считать непуганых птиц, которые взрывались прямо из-под ног, подставляя себя под арбалетный выстрел. И хотя ван Гариц категорически запретил задерживаться ради охоты, но глухарей и тетёрок попадалось такое изобилие, что вечерами не только Гариц с Мурьеном, но и все солдаты лакомились боровой дичью.

На четвёртый день встретилось первое серьёзное препятствие. Пробившись сквозь заросшую непролазной черёмухой низину, отряд, наконец, вышел в кондовый сосновый бор, сухой и светлый. Казалось, здесь можно скакать быстро, словно по наезженной дороге, но не успели солдаты сесть на коней, как чуткую лесную тишину прорезал вопль, не схожий ни со звериным рёвом, ни с криком человека. Звук звонкий, злой, дрожащий, как перетянутая струна. Все замерли, не понимая, чего ждать, лишь вахмистр Павий, старший среди солдат, побывавший во всяких переделках и слышавший обо всём на свете, успел подать команду:

– Назад! – рявкнул он. – Отходим живо!

В бою и походе командует тот, кто первым разобрался в обстановке, но, едва вокруг отряда сомкнулись осточертевшие кусты черёмухи, ван Гариц повернулся к старому служаке и спросил резко:

– Так в чём, собственно дело? От кого мы бежали?

– Вы же слышали, – хмуро ответил вахмистр. – Хозяин это лесной. Злитесь на нас. Ещё бы минута – костей бы не собрали.

– Какой ещё хозяин? Здесь хозяин я!

– Лесной хозяин... – Павий замялся и совсем тихо произнёс запретное имя: – Лешак...

– Леший?! – молодой граф даже забыл разгневаться. – И из-за такой ерунды ты заставил нас бежать? Вперёд!

Ван Гариц выдрался из густого подлеска и пришпорил коня. Солдаты последовали за ним, но неохотно, очевидно в их душах страх перед лесным хозяином жил так же прочно, как и повиновение хозяину истинному, и они, наслушавшись вечерних сказок, совершенно не желали лезть наобум, особенно, если старшой скомандовал ретираду. А даже если и не было бы никаких леденящих криков, но когда командующий протрубил атаку, а вахмистр в сомнении качает головой, всякому ясно, что никто чудеса храбрости являть не станет.

Обычно нерешительность в атаке ни к чему хорошему не приводит, но именно сейчас она спасла жизни некоторым из солдат. Крик невидимого лешака вновь ударил по ушам, и, не выдержав этого стога высоченная мачтовая сосна расщепилась вдоль ствола, рухнув на то самое место, где должен был очутиться отряд, исполни он приказание, как то следует в бою.

На этот раз команду к отходу дал сам молодой Гариц: слишком уж явным было неравенство в силах; мечом против падающего ствола не оборонишься. Отошли недалеко, но всё в тот же мокрый, цеплючий лес.

– Что теперь делать? – ван Гариц спрашивал так, словно обвинял.

И хотя вопрос был скорее обращён к Павию, но ответил ван Мурьен, до той поры не вмешивавшийся в течение дел.

– Обходить. Вы же видите, ваша светлость, здесь нам не прорваться. Во всяком случае, без потерь мы не пройдем.

– Что же получается, – проскрипел молодой граф, – лесной бесёнок, которого с лёгкостью должен гонять любой церковный служака, может диктовать свою волю мне?

– В своей норе и хомяк хозяин, – рискнул вставить слово вахмистр.

– Почему мы не взяли с собой священника? – повернулся Гариц к Мурьену. – Вы же бывали здесь, дядюшка, почему вы не предупредили меня о таких вещах?

– Прежде всего, – скучный голосом произнёс ван Мурьен, – священник нам не поможет. Леший у себя дома, изгонять его некуда, так что экзорцизмы силы иметь не будут. К тому же...

– Достаточно, – прервал граф. – Какие ещё могут быть варианты, кроме как обходить этот бор или прорываться, угробив половину отряда?

– Лес можно сжечь, – с готовностью предложил ван Мурьен, – но тогда весь наш поход теряет смысл, к тому же, мы рискуем сгореть сами. Пламя лешак не погасит, а вот направить пал в нашу сторону, пожалуй, сможет. Говорят, были такие случаи.

– Дальше, – потребовал ван Гариц.

– Ещё мы можем вернуться домой, – ехидно предложил дядюшка.

– Хорошо, – сдался ван Гариц, – мы потеряем ещё день и обойдём бор стороной. Но он, что, так навсегда и останется в лапах этой твари? Мне это странно, в моих собственных владениях есть место, где я не смею появиться!

– В этих местах, ваша светлость, – произнёс Павий, – человек раз в сто лет появляется, вот лешак и распоясался. Вот кабы там, где горку давеча проходили, деревенька стояла, мужики бы кусты с низины повывели, устроили покос, народ бы в лес потянулся, за рыжиками и брусникою. Глядишь, лет за пять девки с лукошками лешака приручат, лес станет мирным, и будет ваша светлость сюда на охоту ездить.

– Лет за пять... – по голосу графа было совершенно не понять, какие чувства его бузуют. – Народец с лукошками в лес потянется, за брусникой... С топором он потянется, сосны рубить для амбаров! Красную дичь браконьерить!

Возражать никто не пытался, лишь вахмистр, выбившийся некогда из ополченцев и имевший по деревням прорву сермяжной родни, вздохнул и отвернулся, всем видом говоря, что молчать-то он молчит, но мнение своё имеет. Браконьеры – беда знакомая, их можно переловить да перевешать, а так лес пропадает; ни сам не ам, ни нам не дам.

– Значит так, – подвёл итог ван Гариц, – дядюшка, отметьте в вашем дневнике, что на холмах возле речки, где мы проходили вчера, я велел поставить деревню. Ну, там, переселенцы... и всё как обычно.

– И назвать её Новоогнёво, – посоветовал дядюшка.

– Деревню назвать Броди, – Гариц сделал вид, что не понял насмешки. – И чтобы броджители содержали в порядке, а то сейчас там... – граф поморщился, вспомнив недавнюю переправу. – Теперь переходим к делам насущным. Бор будем обходить. Ваши предложения, благородный ван Мурьен.

За последний год ван Мурьен успел хорошо изучить нрав сиятельного племянника, поэтому он тут же оставил сарказм, расстелил на коленях потрёпанную карту и принялся говорить, водя пальцем по области, представляющей собой едва ли не сплошное белое пятно:

– Насколько можно судить, мы сейчас находимся где-то здесь. Предполагалось, что мы пройдем по сухим местам и выйдем к Огнёву с северо-востока. К сожалению, дорога, на которую мы рассчитывали, оказалась перекрыта. Единственная возможность пройти к Огнёву незамеченными, отсюда дать правее, по самому краю топей, выйдя к Огнёву с севера.

– Лавры Галамба-путешественника не дают вам покоя, дядюшка, – перебил ван Гариц. – Последовав вашему замечательному плану, мы будем добираться к этой несчастной деревне больше двух недель. А если нам встретится ещё один оборзевший лешак, то рискуем и вовсе никуда не прийти. Почему вы решили, что бор надо обходить справа? Вон на вашей карте обозначена тропа, и она проходит западнее тех мест, которыми предлагаете пробираться вы. Или я неправильно понимаю карту? Это тропа?

– Тропа, ваша сиятельство, – хмуро согласился ван Мурьен, – но по ней нам идти нельзя. Наверняка у лесовиков там стоят дозоры.

– Это уже совсем интересно. Вы всерьёз думаете, что крестьяне захотят напасть на наш отряд?

– Они не будут нападать, но непременно предупредят своих, так что в деревне мы не отыщем ни единой живой души. На лесных розжиггах у них поставлены балаганы, там можно скрываться неопределённо долго, и отыскать лесовиков там, дело вполне безнадежное.

– Всё-таки, я чего-то не понимаю, – совершенно спокойно произнёс граф. – У нас воинский поход, или я еду по собственной земле в одну из собственных своих деревень? В мирное, заметьте, время. Почему мы должны принимать особые меры, заботиться, чтобы нас не обнаружили наши же подданные?

Вахмистр кашлянул, привлекая к себе внимание, а когда рыцари повернулись в его сторону, произнёс:

– Батюшка вашей светлости уже ходил на Огнёво, семнадцать лет назад. Тогда наш отряд заметили, и деревня оказалась пуста. Мы неделю прочёсывали лес, а потом сожгли избы и ушли ни с чем. Ни податей, ни налогов, ни рекрутов. А поставки угля прекратились надолго и восстановились лишь несколько лет назад, да и то, кузнецы покупают огнёвский уголь тайно, боятся, что он будет реквизирован за недоимки углежогов.

– Вы, дядюшка, тоже участвовали в том славном походе?

– В том походе командовал мой любезный братец, – смиренно произнёс ван Мурьен, – а я, как и сейчас, вёл дневник.

– Понятно. То есть, решение принимать мне, а вы будете в вашем секретном дневнике смаковать мои ошибки и изливать по их поводу желчь. Что ж, это ваше право. Главное, не забывайте хорошенько шифровать записи, чтобы любознательным потомкам было над чем поломать голову. А я буду принимать решение. Кстати, Павий, а как бы вы поступили, если бы вам было поручено командовать отрядом?

На лице вахмистра явно читалось, что будь его воля, он бы близко не подошёл к проклятому лесу, но на чётко заданный вопрос и ответ последовал чёткий.

– Кормить комаров в топах нам не с руки. Сами увязнем и коней погубим. Сосняк надо обходить с запада, но на тропу не выходить ни в коем разе. Дедушка ваш ходил на Огнёво, тогда тропа была прямая, так они на рысях прошли и сумели взять лесовиков врасплох. Только вместо того, чтобы недоимки выколачивать, старый граф велел избы жечь. Крутой характер был у его светлости. Ну, сами и погорели, едва половина народу живыми вернулось. Меня там не было, я ещё мальцом был в ту пору, но болтали разное. Главное, говорили, что ни один человек от железа не погиб, а только в пожаре. От изб лес занялся, и такое началось, что не приведи случай увидеть. Потому и этот бор жечь нельзя, а то и ног не унесём.

– Дальше, – потребовал граф.

– С тех пор у лесовиков на тропе завалы. Когда повозки с углем идут, то завалы разбирают, дело простое, на полчаса работы. Но с наскоку теперь Огнёво не взять, приходится тайно. Вот я и говорю, отсюда свернуть на левую руку и идти вдоль тропы. Места там сухие и лешак не балует. Если с опаской идти, то никто не заметит. Главное, не шуметь, костров не жечь и на тропе, чтобы ни единого следа.

– Разумно, – согласился граф.

– Вы уверены, что там не окажется ловушек? – спросил ван Мурьен. – Капканы, волчьи ямы и прочие сюрпризы...

– Это дело знакомое, – осмелился возразить Павий, видящий, что дядюшка у графа не в чести. – Остережёмся.

– Так и поступим, – подвёл итог граф.

Отряд, ведя в поводу коней, двинулся в обход бора. Злорадный хохот лешака долго провожал их.

На второй день места стали поудобнее, снова пошёл кондовый лес, но никакой нечисти в нём не замечалось, а на седых от лишайника стволах несколько раз встречались затёсы, свидетельствующие, что люди здесь хоть и не часто, но появляются. Судя по карте, тропа тяну-

лась совсем рядом, верстах в трёх и даже при наличии засек по ней можно было доскакать к Огнёву за неполный день. Сознание этого бесило ван Гарица, всякий раз, когда приходилось спешиваться перед мелколесьем, на щеках графа играли желваки. Павий, вспоминая крутой нрав предыдущих владык, лишь качал головой и проклинал сухую погоду. Не нужно быть пророком, чтобы догадаться: гореть Огнёву ярким пламенем. А там и негасимый лесной пал обрушится на поджигателей. Случай, или и впрямь огнёвцы владеют такой ворожбой, но всякий раз находники, пытавшиеся подпалить деревню, оказывались под ветром и далеко не все из них возвращались домой из похода против сиволапых.

Ловушка встретила к вечеру, когда вахмистр уже присматривал место для ночёвки. Ловушка была не на человека, а на боровую птицу: простые силки с волосяной петлёй. Граф долго рассматривал нехитрое приспособление, затем спросил скрипуче:

– А ежели соболев в такую влетит?

– Летом не влетит, – успокоил Павий, – летом дороги много, он стороной обежит. А зимой, по глубокому снегу, так за милую душу. Хотя такое обычно на горностаев ладят, горностаев мышковать по одному путику ходит, там его и перенимают. Ну, и соболев случается, ежели за горностаев погонится.

– Значит, здесь кто-то обычно ловит горностаев, – выговорил Гариц, делая особое ударение на слове «обычно», – а соболев, так и быть, давит время от времени... Дядюшка, вы всё знаете: сколько пушнины сдают огнёвские промышленники в казну? Не надо точных цифр, назовите хотя бы примерную.

– Могу сказать совершенно точно, – скучным голосом произнёс ван Мурьен. – На моей памяти не сдано ни одной шкурки. Вся огнёвская пушнина уходит контрабандой.

– Браконьера взять, – коротко приказал Гариц.

И хотя ловля лесовика обещала продлить поход не меньше чем на день, никто не посмел возразить. Двое опытных солдат укрылись в засидке неподалёку от обнаруженной ловушки, остальные отошли на достаточное расстояние и приготовились к мокрой ночёвке, без костра и даже без лапника под расстеленной попоной, ибо малейший шум мог вспугнуть не только боровую дичь, но и владельца силков, которому сегодня из охотника предстояло стать дичью. Засаду можно было устроить и под утро, ясно ведь, что в ночи никто не станет проверять настоженную удавку, но Павий не хотел рисковать, опытный следопыт мог заподозрить неладное при виде сбитой росы или ещё каких, только ему ведомых примет. А упустить лесовика, значит, поднять тревогу, чего старому вахмистру хотелось меньше всего.

Впрочем, браконьер оказался на редкость беспечен. Он выдал себя издали мурлыкающей песенкой, а солдат обнаружил, только когда они надели на него и принялись крутить локти. Тут уже никакое сопротивление помочь не могло, и как ни извивался парень, его споро связали заранее подготовленной верёвкой и доставили к графу.

Ван Гариц долго рассматривал пленника, презрительно кривя губы и временами чуть заметно морщась, словно человек, которому во время важной работы мешает докучная муха. Наконец спросил:

– Что скажешь, братец?

– Развяжите меня, – потребовал парень ломким голосом. Всё в его облике представляло смесь страха и мальчишеской дерзости, что и неудивительно, если принять во внимание сокрушительную молодость браконьера.

– Успеешь.

Граф опять надолго замолк, потом спросил негромко:

– Ты хоть понимаешь, что тебя сейчас повесят? Вот на этой самой осине.

Браконьер не ответил, только глотнул судорожно, словно петля уже стянула его горло.

– Понимает, – догадливо произнёс ван Мурьен.

– Тогда совету говорить.

– Я не буду говорить связанным.

– Может быть, ты потребуешь, чтобы они все, – Гариц кивнул на солдат, – отошли подальше?

– Да.

– Люблю наглецов... можно подумать, это меня поймали в чужих угодьях на браконьерстве. Павий, развяжи молодого человека, и пусть все отойдут в сторону. Мне любопытно, как он станет разговаривать в этом случае.

Павий, чуть заметно усмехнувшись в усы, споро распутал хитрые узлы и отошёл, сматывая верёвку.

– Ну?... – обратился ван Гариц к пленнику, но в этот момент тот прыгнул. Прыгнул из сидячего положения, не разминая ног, которые только что были скручены жёсткими путами. Немногие умеют совершать такие прыжки, и, казалось, парнишка сейчас скроется в лесу, но ван Гариц, только что сидевший на расстеленном конском потнике, точно также, безо всякой подготовки, метнулся наперерез, перехватив беглеца. Солдаты, издали следившие за происходящим, обидно захохотали. Уж они-то знали, на что способен молодой граф и заранее готовились к весёлому зрелищу. На мгновение два тела сплелись в клубок, затем граф поднялся на ноги, а неудачливый беглец остался лежать.

– Нехорошо... – протянул ван Гариц. – Вот она, мужицкая честность. Ему на грош свободы дай, вмиг убежит.

– Я не давал никакого слова, – хрипло произнёс браконьер.

– А я его и не требовал. Зато теперь ты знаешь, что убегать не следует. Так что, давай разговаривать, – ван Гариц уселся на прежнее место и принялся рассматривать сломанный ноготь.

– Чего нужно-то? – спросил пленник. Он тоже уселся в прежней позе, так что стороннему наблюдателю и поверить было трудно, что только что эти двое катались по земле, вцепившись друг в друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.